

Главная Наука Общество Оборона Блог **Научное издание ВАК** Контакты Наши авторы Энциклопедия
 2013-1(1) 2014-1(2) 2014-2(3) 2015-1(4) 2015-2(5) 2016-1(6) 2016-2(7) 2016-3(8) 2016-4(9) 2017-1(10) 2017-2(11)
 2017-3(12) 2017-4(13) 2018-1(14) 2018-2(15) 2018-3(16) 2018-4(17) 2019-1(18) **2019-2(19)** 2019-3(20)

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ОБОРОНА

ПОЖЕРТВОВАТЬ

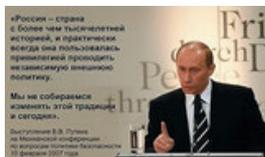
Популярное

[Российская государственность: становление](#)

[Россия в революциях XX века](#)

[Россия на пути укрепления государственности](#)

[Россия в развитии многополярного мира](#)

[Госуправление в России: заблуждения реформаторов](#)

[Япония: роль и место в развязывании Второй мировой войны и политика СССР](#)

["Навигацкая школа" Набор - 2019 New](#)

Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). - 2019. - № 2 (19)

Вычеров Дмитрий Александрович,
 Санкт-Петербургский национальный университет
 информационных технологий,
 механики и оптики,
 Центра социальных
 и гуманитарных знаний,
 Санкт-Петербургский
 государственный университет,
 аспирант
 Россия, г. Санкт-Петербург
 E-mail: d.a.vycherov@gmail.com

Vycherov Dmitry Alexandrovich,
 Saint Petersburg State University of
 Information Technologies,
 Mechanics and Optics,
 Manager of the Center for Social and
 Humanitarian Knowledge
 St. Petersburg
 State University,
 Graduate Student
 Russia, St. Petersburg
 E-mail: d.a.vycherov@gmail.com

Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941–1942 гг.

Evacuation in diaries of Leningrad children and teenagers in 1941–1942

DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10189

Аннотация

В статье изучается отношение ленинградских детей и подростков к эвакуации в период с июля 1941 г. по июль 1942 года. В качестве источниковой базы выступили дневники юных жителей Ленинграда, как тех, кто находился в городе вплоть до полного снятия блокады, так и вывезенных из окружённого города в тыловые районы. На основе изучения этих источников было установлено то, как менялось отношение детей и подростков к возможному выезду из города, а также выяснены причины этих изменений. Автор приходит к выводу, что в течение изучаемого периода произошла трансформация взглядов подрастающего поколения по вопросу эвакуации, в частности, негативное отношение, характерное для большинства несовершеннолетних в первые месяцы войны, со временем сменилось тем, что эвакуация стала мечтой.

Ключевые слова:

блокада, эвакуация, блокадные дневники, ленинградские подростки, психология «детей войны», военное детство

Summary

The article examines the attitude of Leningrad children and adolescents to evacuation from July 1941 to July 1942. The diaries of young Leningrad citizens were used as the main source, both of them who were in the city up to the complete lifting the blockade and evacuated from cities in the hinterland. Based on the study of these sources, it was established how the attitude of children and adolescents to the possible departure from the city changed, and the reasons for these changes were clarified. The author comes to the conclusion that during the study period there was a transformation of the views of the younger generation on the issue of evacuation, in particular, the negative attitude, as a characteristic of the majority of under-age in the first months of the war, was eventually replaced by the fact that evacuation became a dream.

Keywords:

blockade, evacuation, blockade diaries, Leningrad adolescents, psychology of children of war, military childhood

8 сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда, которая продолжалась в течение 872 дней. Несмотря на проводимую эвакуацию летом 1941 г., к моменту полного окружения города в нём

[Без знания прошлого нет будущего](#)

[Военно-историческая наука действительно в упадке](#)

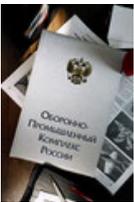

[Патриотические сводки от Владимира Кикнадзе](#)

Рубрики

[Противодействие фальсификациям отечественной истории](#)

[Кадры и наука ОПК России](#)

[Миграционные и демографические риски](#)

[Олимпиада по военной истории](#)

Наши партнеры

оставалось большое количество мирного населения, в том числе и несовершеннолетних. Как указывает Л. Л. Газиева к осени 1941 г. в Ленинграде должно было находиться «не менее 918 676 детей и подростков в возрасте до 16, 5 лет» [4, с. 55], при этом к моменту установления блокады города максимально могло быть вывезено приблизительно 390 000 детей [4, с. 144]. Впоследствии эвакуация детей и подростков из Ленинграда осуществлялась по воздуху, а также на баржах или автомобильным транспортом по льду Чудского озера. Поэтому большинство несовершеннолетних в полной мере испытали на себе голод, холод, бомбардировки и артиллерийские обстрелы, что негативно отразилось на психике несовершеннолетних, значительно ускорив процесс взросления.

Такие изменения отражались в дневниках, в частности, в появлении тематики, нехарактерной для данной возрастной категории, но более привычной для старших поколений: обеспечение семьи продуктами питания, дровами, одеждой, проблема жизни и смерти, политическая ситуация в мире. К этому можно отнести и повышенный интерес к процессу эвакуации со стороны ленинградских детей и подростков.

Первые упоминания об эвакуации, датированные летом 1941 г., встречаются в нескольких детских и подростковых дневниках. Так, **13-летней Тани Вассоевич** написала следующее: «Слышала, что школы будут эвакуироваться. Мы все считаем, что это сумасшествие. Я категорически против поездки» [5, с. 83]. Схожее мнение было и у **14-летней Гали Зимницкой**: «Сегодня мама и дядя Миша пришли с работы очень расстроенные... Им объявили, что завод срочно эвакуируют. Ехать надо всем. Сердце моё оборвалось от такого сообщения. Уехать из Ленинграда!» [5, с. 92]. **Капа Вознесенская** отзывалась о данном процессе аналогичным образом: «Мама никуда не хочет двигаться, наши на некоторых участках фронта отступили. Вот тебе и на... Эвакуироваться не буду» [5, с. 128].

Такое **негативное отношение к эвакуации со стороны детей и подростков** объяснялось несколькими причинами. Первая из них заключалась в стремлении большинства советских несовершеннолетних поучаствовать войне, о чём свидетельствуют многочисленные упоминания в их дневниках. На наш взгляд, наиболее полно существующая ситуация охарактеризована в записях **15-летней Майи Бубновой**: «... в 20-х числа июня 1941 года я боялась, что война пройдёт мимо меня, то есть, что она кончится в несколько дней, и я ничего не увижу, что мне не придётся столкнуться со всеми её трудностями, которые я очень смутно себе представляла, поэтому-то и было интересно, и хоть на минуту стать похожей на участников гражданской войны, которым я искренне завидовала; хоть чем-нибудь помочь моей стране, почувствовать и доказать, что и ты не зря землю топчешь, что и твоя пара рук пригодилась» [17, л. 4].

Подобное стремление являлось следствием проводимой политики Советского Союза по воспитанию подрастающего поколения в рамках идей коммунизма и патриотизма через различные каналы, например, школу, пионеррию, семью. Результатом стало формирование у детей и подростков искажённых представлений о войне как некоей игре, в которой отсутствовали негативные моменты (смерть, травмы, болезни). Это подкреплялось государственной доктриной о возможном начале войны, гласившей, что вражеские войска будут разбиты в приграничных сражениях, после чего боевые действия будут перенесены на территорию агрессора: «К тому же нас постоянно уверяли в том, что война может быть только на чужой территории. Многие не хотели уезжать, уверенные, что война ненадолго, до города не дойдёт», – о таких настроениях горожан говорила блокадница **Валентина Кондратьева** в своих воспоминаниях [12].

Вторая причина заключалась в нежелании ленинградских детей и подростков резко разрушить сложившиеся практики и связи, представлявшие собой неотъемлемые элементы их повседневности. Такое поведение могло являться копированием позиции родителей или близких родственников по вопросу эвакуации. В качестве подтверждения приведём дневниковую запись **Жени Шавровой** от 13 августа 1941 г.: «Мы с мамой не хотим эвакуироваться, хотя нам предлагают. Мама говорит, что она не может покинуть город, где она родилась, выросла, училась» [9]. По этой же причине остался и брат Ани Кашириной: «Примерно в начале августа началась эвакуация детей до 14-летнего возраста из Ленинграда. Мы записали Мишу, но отправить его мама не решилась, так как думали, что будет плохо» [6]. Подобное нежелание взрослых эвакуировать своих детей объяснялось не только родительскими страхами находиться вдали от своего ребёнка, но и убеждением многих жителей города, что война, а соответственно и блокада, продлятся недолго, а трудности будут носить временный характер: «В Ленинграде было спокойно несмотря на то, что война уже давно началась. Поэтому у многих матерей сложилось такое мнение, что лучше не отправлять детей из Ленинграда» [16, л. 3 об.], – вспоминал впоследствии **И. К. Шантырь**, принимавший участие в эвакуации детей и подростков из Ленинграда.

Дневниковые записи некоторых юных ленинградцев свидетельствуют о существовании у них самостоятельной, отличной от родительской точки зрения на процесс эвакуации: «Расстаться с

ребятами, со всеми нашими делами! Для чего я училась перевязывать раненых? Для чего мне дядя Миша принёс детский противогаз?» [5, с. 92], – отметила в своём дневнике 30 июля 1941 г. **Гая Зимницкая**. В данном случае возможность покинуть Ленинград ассоциировалась подростком с бегством от войны, что означало, что полученные в ходе военного обучения навыки и умения оказывались бы бесполезными. Эта новость очень эмоционально переживалась девочкой, но поддержку она нашла в лице бабушки, после чего решила до конца отстаивать свою позицию: «И вдруг бабушка, моя милая Сашета, заявляет, что она остаётся в городе и не сдвинется с места, что бы ни было. Тогда я тоже заявляю, что остаюсь с бабушкой. На протест мамы у меня истерика ... Родители опешили и ушли в спальню совещаться. Что будет? Я твёрдо решила не ехать» [5, с. 92]. Развязка семейного конфликта наступила 2 августа 1941 г., когда девочка и её бабушка смогли переубедить отца и мать: «Всё уладилось, родители повеселели. Они признались, что тоже не хотели уезжать ...» [5, с. 92]. Другой ребёнок-блокадник, **Валя Петерсон**, с самого начала была решительно настроена остаться в Ленинграде и пыталась повлиять на своего самого близкого человека: «Город пустеет. Все эвакуируются, а я прошу маму остаться. Она очень боится бомбёжек, а я нисколько и не потому, что смелая, а просто верю, что меня не могут убить» [18, л. 3]. Такое поведение представляло собой проявление юношеского максимализма, характерного для подростковой психики, ещё не пострадавшей от войны. Более реалистичной была позиция родителей, уже имевших опыт соприкосновения в детстве с экстремальной ситуацией, – Гражданской войной.

Третья причина связана с опасениями взрослых после неудачной летней эвакуации 1941 г., в ходе которой значительное количество несовершеннолетних было вывезено в районы, ставшие в скором времени зоной боевых действий. В результате атак немецкой авиации погибло или было ранено много детей и подростков, ещё больше получило психологические травмы, для «заживления» которых требовалось много времени. Одна из пострадавших, **Евгения Рыбина**, вспоминала, что «тему эвакуации взрослые при ней не обсуждали», поскольку «при разговорах об отъезде она падала на пол, и с ней начиналась истерика». Чтобы не усугублять психическое состояние дочери, родители приняли решение не уезжать из Ленинграда: «Мы – ленинградцы, здесь останемся. Всё, что нам положено, то и будет», – подытожил отец девочки [11, с. 494].

Не все авторы в своих дневниках в период с лета по начало осени 1941 г. уделили внимание процессу эвакуации. Вместе с тем можно предположить, что дети и подростки более эмоционально, чем взрослые переживали возможный выезд из города, поскольку, как показывают исследования по психологии в чрезвычайной ситуации, несовершеннолетние в большей степени полагаются на привычные практики, которые составляют их повседневную жизнь [20, р. 34]. Поэтому многие юные жители города скептически относились к возможности оставить родной дом и своих родственников, друзей, одноклассников. Некоторые же подростки, как и большинство взрослых, рассматривали эвакуацию как проявление трусости и подлости [19, с. 513].

Ситуация начинает меняться с середины осени 1941 г. по мере падения уровня жизни ленинградцев, связанного с уменьшением продовольственных норм, обострением жилищной проблемы, ростом заболеваемости и антисанитарии, регулярными бомбардировками города и артобстрелами. Эти процессы сказывались не только на физическом, но и на психологическом состоянии людей, существенно меняя их мировоззрение. Под влиянием неблагоприятных факторов всё большее количество несовершеннолетних начинает менять своё отношение к эвакуации. Вместе с тем это не произошло у всех одновременно, наоборот, у каждого ребёнка была своя грань, которая определялась индивидуальными особенностями психики.

Для **Вали Базановой** переломный момент наступил после прочтения письма от эвакуированных родственников, полученного в начале октября 1941 г.: «Сейчас они живут у тётки Пани, у них большой огород, бесплатное молоко, пять пудов пшеницы. Димочка в письме жаловался, что у него не хватает... втулки от велосипедов. Я чуть не надавала пощёчин дяде Шуре, когда он рассказывал об этом с сочувственной миной» [1, с. 127]. Осознание огромной разницы положения, в котором находились блокадники и эвакуированные, вызвало у девочки эмоциональный шок. Её стремление жить лучше очевидно, однако она не могла поступить эгоистично – уехать одна, поэтому лучшее решение для неё – это если эвакуируются все члены её семьи. Попав в список на эвакуацию в конце ноября 1941 г., Валя приняла окончательное решение: «Сусанна, как военнообязанная, уехать не может, а мы без неё не поедим, да и Лене будет не дойти, папе тоже» [1, с. 127].

Дневник **Юры Рябинкина** показывает, насколько подросток был напуган ухудшением ситуации в городе и на фронтах, о чём написал в своём дневнике 17 октября 1941 г.: «Ленинград полностью отрезан от СССР, на Ленинградском фронте ещё ничего, держатся. В Ленинграде кончаются запасы продовольствия, скоро, пожалуй, пойдут голодные смерти, эпидемии и т.п. С тоской вспоминаешь, что не эвакуировались» [5, с. 43]. Резкие перемены в окружающей действительности и своей жизни привели к утрате ребёнком чувства стабильности, которую он

ценил прежде всего, поскольку это позволяло строить планы на будущее. Потеря почвы под ногами стала причиной того, что подросток впал в депрессию: «Я боюсь сейчас даже вперёд заглядывать – живёшь одним днём» [5, с. 43]. Только эвакуация могла восстановить его психологическое состояние и даже спасти: «Я чувствую, чтобы стать таким, как прежде, требуется надежда, уверенность, что я с семьёй завтра или послезавтра эвакуируюсь...» [5, с. 43].

Марусей Ерёминой тяжело переживалась разлука с родными, проживавшими в тыловом районе. Осознание невозможности увидеться с семьёй являлось для девочки большим стрессом, усилившимся после получения письма от отца 25 октября 1941 г.: «Меня зовут ехать домой, я обрадовалась, но на сердце что-то стало обидно. Приглашают, когда отсюда выехать никакими путями невозможно... А поэтому я не надеюсь увидеться с родными, ибо если сбережешься от бомбежки, наверно, умрешь от голода» [10]. По следующим записям заметно, что подросток испытывал всё больший эмоциональный шок: «... открылся хотя бы какой-нибудь путь, выехать отсюда домой. Дома и умирать милей...», – написала Маруся через несколько дней после получения письма [5, с. 154]. Для неё жизнь в деревне была мечтой, а эвакуация воспринималась как способ её достижения. Но выбраться из города было невозможно, поэтому, по мнению подростка, мечта была неосуществима: «Хорошего не жду, теперь я совсем отчаялась, что когда-нибудь откроются дороги: из газет и рассказов раненых, лежащих в госпиталях, нам известны все невозможно осуществимые трудности в боях за дорогу... О доме уже не думаю, всё равно бесполезно, только себя расстраиваю» [5, с. 156]. Но она не перестала размышлять о родных и своём возвращении в деревню, это по-прежнему являлось её главной мечтой. И ей удалось её осуществить. В «Детской книге войны» указано, что «в январе 1942 года, через месяц после окончания записей, её техникум эвакуировали в Томск, но она туда не поехала, а вернулась домой, в любимую Сосновку» [5, с. 150].

В целом, поступавшие сведения от родственников, друзей и ближайшего окружения о жизни на «Большой земле» могли серьёзно влиять на принятие ленинградцами окончательного решения по вопросу эвакуации. Если информация в письме была негативного характера, то это сказывалось на стремлении несовершеннолетних вырваться из окружённого города. Так, **Миша Тихомиров**, узнав от соседки, что в Ташкенте «работу найти трудно, с продуктами очень туго, заработка невысокие» [3, с. 191], вместе с родителями принял решение не эвакуироваться. **Оле Шавровой** о жизни в тылу писала её тётя: «Как и прежде, пишут о трудностях жизни, быта и скуке. Мне кажется, что им там в глуши хоть и в тылу, живётся не лучше, чем нам тут в блокаде., а м[ожет] б[ыть] и хуже в некоторых отношениях» [13, л. 13 об.]. С другой стороны, положительные новости могли усилить желание вырваться из блокады. На первом месте опять же стояли продукты питания: «каждому прибывающему даётся целых 800 г. хлеба и ещё сколько угодно по коммерческой цене» [5, с. 58], – отметил в своём дневнике **Юра Рябинкин**. **Лена Мухина** также зафиксировала аналогичный эпизод: «Он (военный) недавно вернулся из Вологды. Он мне сказал, что эвакуированных прекрасно кормят, вообще всё для них бесплатно» [15, с. 269].

Период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. ознаменовался кардинальным изменением в отношении несовершеннолетних к эвакуации. Причинами этого послужили тяжёлые материально-бытовые условия, вызванные голодом, высоким уровнем антисанитарии, артобстрелами. О произошедших переменах в сознании детей и взрослых зафиксировал 20 ноября 1941 г. в своём дневнике **Борис Капранов**: «Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя. Раньше каждый хотел в Ленинград – не прописывали. Теперь каждый хочет из Ленинграда – не пускают» [5, с. 166]. Эта фраза подтверждается записями других авторов дневников, в которых они упоминали о своём желании уехать из города: «Хотя я и мама не обуты, у нас нет валенок и тёплых вещей, мы вырвемся из этого голодного плена – Ленинграда», – написал **Юра Рябинкин** 4 декабря 1941 г. [5, с. 54]. Схожие мысли были у **Володи Николаева**, записанные им в своём дневнике в конце января 1942 г.: «Почти всю ночь не спал, всё мечтал о том, как бы уехать на время в какую-нибудь тыловую деревеньку или городишко из Ленинграда» [7]. Аналогичным образом мечтал поступить и **Саша Зуев**: «Мне хочется эвакуироваться, в деревню к тете Мане... я чувствую, что здесь мне силы не набрать...» [14, с. 175]. Вырвавшись из блокады в феврале 1942 г., другой блокадник, **Давид Алексеев**, описал то, как преобразился Ленинград, где он родился и провёл всю свою жизнь: «Покинули город Ленина. Город голода, блокады и смерти» [8].

Тяжёлые материально-бытовые условия выступали для большинства ленинградских детей и подростков в качестве общих причин желать покинуть город. Но одновременно с этим существовали и индивидуальные причины. В качестве таковой для **Вали Петерсон** выступали поступки своего отчима, который «оказался очень гадким человеком: несознательным, вымогающим у всех всё, заботящимся только лишь о себе, лодырем, лицемером, подлипалой и сплетником ...» [18, л. 5 об.]. Но больше всего девочка боялась того, что он «может убить «ни за

что, ни про что» [18, л. 5 об.], поэтому эвакуация представлялась ей как возможность избавиться от него и жить спокойной жизнью вдвоём с матерью.

Личным горем было обусловлено и желание **Лены Мухиной** покинуть Ленинград. После смерти приёмной матери подросток остался в одиночестве и переживал эмоциональный стресс, так как в городе всё напоминало ему о пережитых ужасах: «Но не могу его (Ленинград. – Д. В.) больше видеть, а тем более, любить. Город, где мне пришлось пережить столько горя, где я потеряла всё, что имела. Город, где я осталась круглой сиротой. Город, где я поняла весь ужас одиночества» [15, с. 265]. В качестве единственного пути спасения она рассматривала эвакуацию к родственникам, к близким людям, которые примут её и помогут. Осознание этого придавало ей сил: «Я осталась жива и хочу жить. Для этого я не должна здесь оставаться. Мне надо пробраться в Горький к Жене» [15, с. 265]. Со временем эвакуация стала для неё восприниматься как возможность начать новую жизнь, но её отъезд несколько раз откладывался, что негативно сказывалось на её представлениях о своём будущем. В её записях эвакуация приобрела характер чуда к концу апреля, возможного только при помощи высших сил: «Боженька! Ниспошли мне такую милость. Дай мне доехать до Жены, увидеть Лиду, Серёжу, Даню, Ньюру. Господи. Сделай это! Я молю Тебя!» [15, с. 271]; «Господи, Господи! Услышь Ты меня. Дай мне благополучно доехать до Горького. Только это я прошу у тебя» [15, с. 286–287].

В следующие месяцы после первой блокадной зимы произошло постепенное улучшение ситуации в городе, например, повысились продовольственные нормы, уменьшился уровень антисанитарии, но в целом уровень жизни населения оставался крайне низким. К тому же существенно сказывались опасения ленинградцев о возвращении тяжёлых времён. Поэтому и в **весенне-летний период 1942 г. авторы дневников упоминали о своём желании покинуть город**. Например, в записи **Леры Игошевой**, датированной 28 апреля 1942 г., содержится следующее: «Мы написали в Вытегру и недавно получили ответную телеграмму. Там нас ждут. Теперь, как только начнётся эвакуация на баржах, мы с мамой будем переезжать в Вытегру. Все наши помыслы сводятся к этой поездке» [5, с. 78]. Схожая мысль содержится в дневнике **Вали Купецкого** в записи от 26 июня 1941 г.: «У нас вылетели все стёкла, в комнату залетело четыре осколка. Как-то теперь будем жить. Решили ехать в Астрахань» [2, с. 173].

Таким образом, в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны подавляющее большинство ленинградских детей и подростков не желали покидать город в силу разных причин. К таковым следует отнести, стремление прикоснуться к войне, нежелание разрывать сложившиеся практики и процедуры своей повседневной жизни. После установления блокады появляется обратная тенденция. Всё большее количество несовершеннолетних меняют своё отношение к эвакуации по мере ухудшения ситуации с продовольствием, теплоснабжением, безопасностью на улицах. Пик упоминаний приходится на период с ноября 1941 по февраль 1942 года. В это время эвакуация ассоциировалась юными ленинградцами с единственной возможностью спастись, восстановить силы, а для некоторых начать новую жизнь.

Список литературы и источников

1. *Базанова В.* Вчера было девять тревог. - Нева. 1999. № 1.
2. Блокада глазами очевидцев: дневники и воспоминания: кн. 4. СПб.: ООО «Издательский центр “Остров”», 2017.
3. Блокадный дневник Миши Тихомирова. - Звезда. 2010. № 2.
4. *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб.: Нестор-История, 2014.
5. Детская книга войны: дневники 1941–1945. М.: АИФ, Доброе сердце. 2015.
6. Дневник Анны Кашириной. - «Прожито» [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/person/1825>
7. Дневник Владимира Николаева. - «Прожито» [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/person/435>
8. Дневник Давида Алексева. - «Прожито» [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/person/2261>
9. Дневник Евгении Шавровой. - «Прожито» [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/person/2384>.
10. Дневник Маруси Ерёминой. - «Прожито» [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/person/289>
11. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. - Под ред. Т.С. Царькова, Н.А. Прозорова. СПб., 2015.
12. *Кондратьева В.И.* Перечитывая дневник военного времени. - Мы выжили в блокаду! СПб., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://memoclub.ru/2014/05/w17>
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1466. Ед. хр. 19.

14. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение "Музей «Нарвская застава»". КП-6570. Ф. II.
15. «...Сохрани мою печальную историю...»: блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2011.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД). Ф. 4000. Оп. 5-2. Д. 3194.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 18.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 90.
19. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.: Нестор-История, 2011.
20. Psychological and Physiological Correlates of Stress in Children Exposed to Disaster: Current Research and Recommendations for Intervention. - *Children, Youth and Environments*. 2008. Vol. 18. No. 1.

References

1. Bazanova V., 1999, *Vchera bylo devyat' trevog.* - *Neva*. 1999. № 1.
2. *Blokada glazami ochevidtsev: dnevnik i vospominaniya*: kn. 4. SPb.: ООО «Izdatel'skiy tsentr "Ostrov"», 2017.
3. *Blokadnyy dnevnik Mishi Tikhomirova.* - *Zvezda*. 2010. № 2.
4. Gaziyeva L.L., 2014, *Bor'ba za spaseniye detey i podrostkov v blokirovannom Leningrade. 1941–1944.* SPb.: Nestor-Istoriya, 2014.
5. *Detskaya kniga voyny: dnevnik 1941–1945.* M.: AIF, Dobroye serdtse. 2015.
6. Dnevnik Anny Kashirinoy. - «Prozhito» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://prozhito.org/person/1825>
7. Dnevnik Vladimira Nikolayeva. - «Prozhito» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://prozhito.org/person/435>
8. Dnevnik Davida Alekseyeva. - «Prozhito» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://prozhito.org/person/2261>
9. Dnevnik Yevgenii Shavrovoy. - «Prozhito» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://prozhito.org/person/2384>.
10. Dnevnik Marusi Yerominoy. - «Prozhito» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://prozhito.org/person/289>
11. *Yezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god.* - Pod red. T.S. Tsar'kova, N.A. Prozorova. SPb., 2015.
12. Kondrat'yeva V.I., 2004, *Perechityvaya dnevnik voyennogo vremeni.* - *My vyzhili v blokadu!* SPb., 2004 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://memoclub.ru/2014/05/w17>
13. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. F. 1466. Yed. khr. 19.
14. Sankt-Peterburgskoye gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye "Muzey «Narvskaya zastava»". КП-6570. Ф. II.
15. «...Sokhrani moyu pechal'nuyu istoriyu...»: *blokadnyy dnevnik Leny Mukhinoy.* SPb.: Azbuka, 2011.
16. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (daleye – TSGAIPD). Ф. 4000. Оп. 5-2. Д. 3194.
17. TSGAIPD SPb. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 18.
18. TSGAIPD SPb. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 90.
19. Yarov S. V., 2011, *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* SPb.: Nestor-Istoriya, 2011.
20. Psychological and Physiological Correlates of Stress in Children Exposed to Disaster: Current Research and Recommendations for Intervention. - *Children, Youth and Environments*. 2008. Vol. 18. No. 1.

[Наука. Общество. Оборона \(noo-journal.ru\)](http://www.noo-journal.ru), - 2019. - № 2 (19)